

Театральные заметки.

Старый профессоръ въ отставку Серебряковъ (г. Боршковъ), прїѣзжаетъ на дѣло житье со своей молодой женой Еленой (г-жей Немировичъ) въ свое житіе, которымъ управляетъ брать его первой жены Войницкій (г. Рошницъ). Съ этимъ послѣднимъ живетъ въ шестѣ дочь профессора отъ перваго брака Соня (г-жа Паскалова). Серебряковъ, этотъ больной, вѣчно моющій и брызгающій старикъ, и молодая красавица жена Елена своими прїѣздомъ совершенно разрушаютъ мирную трудовую жизнь Войницкаго и его племянницы. Ома влюбляется въ Елену, безпрестанно молить ее о влиятельности, забрасываетъ дѣла и, видя ее равнодушіе, начинаетъ наконецъ запивать. Въ нее же влюбляется и врачъ Астровъ (г. Недѣлинъ), котораго въ свою очередь любитъ Соня. Но Елена «другому отдача и будетъ вѣкъ ему вѣрна». Она тяготится своей жизнью съ умирающимъ профессоромъ, но не смотря на это, мужественно отказывается отъ предложеній Войницкаго и Астрова зажить по новому, по лучшему; впрочемъ, перваго она совсѣмъ не любитъ, ко второму же нѣсколько неравнодушна, и потому ея отказъ дѣ-

Если бы мы хотѣли уловить въ этой пьесѣ какую либо объединяющую идею, намъ бы это не удалось. Не даромъ самъ авторъ называлъ ее сценами изъ деревенской жизни. Дѣйствительно, это сцена, отрывочная, безъ логической связи, безъ внутренняго идеальнаго цемента. Поэтому и впечатлѣніе получается являть хаотическое. Въ чемъ дѣло? Что хотѣлъ доказать авторъ? На эти вопросы мы не беремся отвѣчать категорически. Быть можетъ онъ проповѣдуетъ необходимость труда, такъ какъ съ появленіемъ символовъ бездѣля (старый профессоръ и его жена) жизни пошла куваркомъ, въ равной мѣрѣ возможно, что онъ призываетъ интеллигенцію къ работѣ въ провинцію, которая представляется собой «вырожденіе», какъ говорить докторъ—Недѣминъ; а то быть можетъ онъ пилѣлъ въ виду увеличить строгость лесоохранительныхъ законовъ, такъ какъ, по словамъ того же доктора, съ вырубленіемъ лѣсовъ идетъ порча человѣческихъ нравовъ—все возможно!

Разгнать доминирующей идеей, то автору, надо поздравить, явившись в виду представить нам коллекцию интересных типов, жанровую картинку из жизни. Это ему до известной степени удалось. Мы говорим до известной степени потому, что некоторые типы так же неза-

кончены, непонятны, какъ и самая мысль пьесы. Такъ, представляется страннымъ, почему въ жему профессора, правда, очень красивую, влюбляются Астровъ и Войничскій. Что она собой представляет? Каковъ ея духовный обликъ, умственный багажъ? Неизвѣстно. Такимъ же сфинксомъ является и Войничскій—дядя Ваня. Гораздо яснѣе типъ доктора. Это хороший, энергичный, умный интеллигентъ, постепенно засасываемый тinou провинціальной жизни. По его словамъ, и Войничскій когда-то былъ такимъ славнымъ работникомъ, но въ этомъ мы ему должны вѣрить на слово, тогда какъ самъ онъ безъ устали—скачетъ къ больнымъ, буквально не зная отдыха, мучается воспоминаніемъ о смерти, происшедшей по его винѣ и т. п. Жизненной тины профессора—брызги, Соня—честной, простой, искренней дѣвушки, немного въ Тургеневскомъ духѣ, обѣдѣншаго помѣщика Тельгина (г. Богдановъ). Изъ 4 актовъ этой пьесы наиболѣе художественнымъ является послѣдній, когда съ отъѣздомъ гостей, жизнь входитъ въ свою колею. Войничскій съ Соней, любовью, которой отвергъ докторъ, принимаются за составленіе счетовъ, мать его (типъ поклоняющейся профессору старухи-болтуни—г-жа Агрямова) за выписки изъ книгъ, старушечья вяжетъ чулокъ, а приживальщикъ—Тельгинъ меланхолически подыгрываетъ на гитарѣ. Угрюмой, холодной, тяжелой осенью вѣетъ отъ этой картины, словно зажино хоровить себя люди—и невольной тоской сжимается сердце. Настроеніе передано удивительно сорошо, тонко, художественно.

Что касаетъ исполненія, то о немъ говорить много не приходится. Изъ безсодержательной роли Елены, г-жа Немировичъ при всемъ своемъ стараніи не могла ничего сдѣлать. Читала она свою роль правильно, просто, но не ея вина, если она намъ не дала цѣльной фигуры—такова воля автора. Сильно провалъ свою роль г. Роцинъ, особенно въ сценѣ вспышки, гдѣ онъ стрѣляетъ въ профессора. И все-таки, какъ мы указали выше, полного образа мы не получили. Безусловно хорошъ былъ г. Недѣлинь. Роль доктора онъ обработалъ

мастерски. Впрочемъ, сама роль гораздо благодарнѣе. По достоинству исполненія наряду съ г. Недѣлинымъ стояла г-жа Пасхалова. Простую, искреннюю Соню изобразила такими мягкими, нѣжными чертами, что буквально трогала за душу. Особенно она была хороша въ послѣднемъ актѣ, въ заключительной сценѣ. Мечтая о будущемъ счастья, она повторяетъ: „я вѣрю, вѣрю“, но такъ и видно, какъ она себя нѣтъ съ тѣмъ убѣждаетъ вѣрить, потому что сама-то въ дѣйствительности сомѣвается въ возможности для нея счастья. Одинъ только необходимый упрекъ: Соня и ея окружающіе неоднократно повторяютъ, что она некрасива, чуть ли не безобразна, и потому г-жа Пасхалова должна была бы соответствующимъ образомъ загримироваться, чего она не сдѣлала, и потому эти слова рѣзко расходились съ дѣйствительностью. Хорошъ былъ г. Богдановъ въ роли Тельгина. Онъ удачно избѣгнулъ шаржа, что придадо исполненію художественность и жизненность.

Въ постановкѣ пьесы, въ режиссерской части, допущены нѣкоторые промахи. Такъ, въ первомъ дѣйствіи дядя-Ваня объясняется въ любви Еленѣ на аванъ сценѣ, гдѣ по бокамъ сидятъ его мать и Тельгинъ. Трудно предположить, чтобы они не слышали разговора, довольно громкаго, ведущагося рядомъ съ ними. Слѣдовало-бы эту сцену объясненія вести въ глубинѣ, вождѣ качелей. Затѣмъ, второй актъ происходитъ въ часъ ночи. На сценѣ нѣтъ почему-то ни лампы, ни свѣчи и профессоръ со своей женой должны, значить, сидѣть въпотьмахъ; но вѣтъ съ тѣмъ комната ярко освѣщена лампой. Спусти нѣсколько времени старушечья вноситъ по шучьему велѣнію лампу, но совершенно напрасно: на сценѣ и безъ того свѣтло. Эту несообразность можно было бы легко устранить: либо надо начать актъ при освѣщеніи уже лампой, либо сцена должна быть темна до ея появленія. Быть можетъ, во всемъ этомъ виноваты ремарки автора, но требованія сцены заставляютъ ихъ измѣнить.

Въ заключеніе былъ поставленъ водевиль „Предложеніе“.

Итэжъ.